

УДК 81'255.4

DOI 10.23951/1609-624X-2017-6-112-116

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-АНГЛИЙСКОГО БУКВАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА (СПЕЦИФИКА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ БАСЕН КРЫЛОВА В. РОЛЬСТОНОМ)

Н. В. Крицкая

*Томский государственный педагогический университет, Томск
Томский политехнический университет, Томск*

Анализируются ключевые особенности переводов басен И. А. Крылова английским просветителем, переводчиком-буквалистом В. Рольстоном, сыгравшим значительную роль в пропаганде русской культуры в 1850–1860 гг. в англоязычном мире. Рассмотрены лексические, синтаксические, стилистические характеристики переводов, а также особенности некоторых неоднозначных для иноязычного воспроизведения лингвистических феноменов. Предпринята попытка объяснения переводческих предпочтений В. Рольстона с точки зрения истории перевода.

Ключевые слова: *буквальный перевод, В. Рольстон, стилистика текста, басни Крылова.*

Согласно авторитетному мнению Толкового переводческого словаря, термин «буквальный перевод» является собирательным для нескольких феноменов, каждый из которых так или иначе говорит о его неполноценности и несовершенстве с точки зрения современной транслатологии: 1. Эквивалентность лишь на уровне языковых знаков, не учитывая информацию, передаваемую на иных уровнях содержания. 2. Перевод, осуществляемый на более низком уровне, чем необходимо для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ. 3. Неправильное понимание текста подлинника или незнание родного или иностранного языка и незнание теории и методики перевода. 4. Буквальное копирование – нарушение точности перевода. 5. Воспроизведение в переводном тексте формальных и семантических компонентов исходного текста. 6. Сохранение формальных и семантических компонентов оригинала и передача их на другом языке [1, с. 27]. Вместе с тем во второй половине XIX столетия именно буквальный перевод стал средством наиболее объективного знакомства англичан с русской литературой [2, 3].

Одним из наиболее известных пропагандистов русской культуры в Англии в это время являлся известный славист Вильям Рольстон, книга которого «Крылов и его басни» (1869) имела беспрецедентный успех и выдержала четыре переиздания [4, 5]. Рольстон выбрал «достоверное прозаическое изложение» басен, признаваясь в предисловии, что хотя он и осознает недостижимость «фотографии», но все же стремится воспроизвести оригинал с наименьшими потерями. Впрочем, по мнению Рольстона, басни Крылова, даже лишённые поэтической формы, сохраняют свойство «проницательно-го постижения человеческого ума и сердца»: они способны дать «более точное представление о русских нравах, чем остроумнейшие иллюстрации»,

при этом включая в себя какое-либо «полезное предупреждение». Признавая важность дидактической функции басен, переводчик заверяет читателя в том, что опущение нотаций там, где они «не были совершенно необходимы», явилось единственной вольностью, которую он позволил себе по отношению к оригиналу: «Крылов никогда не навязчив как моралист, ведь все „морали“ склонны быть утомительными» [6, pp. 8–10].

Переводы Рольстона несут в себе все анонсированные в предисловии черты: они буквалистичны, часто лишены «моралей» и содержат подробную расшифровку многих национально-русских реалий. Стараясь избежать привнесения в басенный текст посторонних оттенков, переводчик старается ничем не обнаружить себя в оригинале. Вместе с тем, тщательно подбирая соответствия русским лексическим единицам, Рольстон не учитывает их сниженного стилистического регистра, что придаёт его опусам совершенно не характерную для идиостиля Крылова семантику. Сглаживание просторечия, унификация лексики и тем самым неизбежное обезличивание языка русских басен характерны для всех переводов Рольстона, который не пытается компенсировать разговорные элементы, являющиеся своеобразными маркерами басен Крылова. Стремление переводчика к буквализму приводит к тому, что он, дотошно «копируя» оригинал, отказывает последнему в подлинно художественном воспроизведении, оставляя без внимания его стилистическую сущность.

Так, едва ли в одной из басен Крылова персонажи здороваются друг с другом так, как это происходит у Рольстона, который неизменно вкладывает в уста героев нейтральное приветствие «Good day»: *Здорово, кум Фаддей! – Здорово, кум Егор!* («Два мужика») / *Good day, gossip Thaddeus! – Good day, gossip Egor!* («The Two Peasants»); *Прия-*

тель дорогой, здорово! («Любопытный», – *Good day, dear friend* («The Inquisitive Man» [6, p. 43; 7, с. 129]¹). Знаменитая басня «Демьянова уха» («Demian's Fish Soup») также приобретает литературный оттенок, лишаясь народного колорита. Так, фраза Демьяна «Ушица, ей-же-ей, на славу сварена», в которой звучит и умилительная слащавость хозяина, и его эмоциональная экспрессивность, заменяется простой констатацией факта: *Believe me, the soup is cooked gloriously* (p. 55).

Тяготение переводов Рольстона к нейтральности слога ведет и к трансформации басенного рассказчика, «дедушки Крылова», лексикон которого существенно банализируется и лишается значительной части юмористичности и просторечной образности. В той же басне «Демьянова уха» развязку истории, где Крылов, рисуя картину бегства Фоки, помещает на трех строках текста три фразеологических единицы («в охапку», «без памяти», «ни ногой»), Рольстон переводит стилистически нейтральным предложением: *...схватя в охапку кушак и шапку, Скорей без памяти домой – И с той поры к Демьяну ни ногой»* (с. 135) / *...catching hold of his cap and sash, runs away home without looking behind him. Not from that day to this has he crossed Demian's threshold* (p. 56).

Конечно, едва ли справедливо требовать от переводов таких стилистически нагруженных текстов, как басни Крылова, точного соответствия оригинала и перевода и ожидать, что все компоненты подлинника будут воспроизведены в английской версии строго на своем месте. Элементы функциональных стилей в художественном тексте имеют блоковый, совместный эффект, и для передачи окраски басен было бы достаточным воспроизведения общих пропорций ненормативных элементов и, возможно, введения стилистических маркеров в другие локусы текста или компенсации разговорной стихии басен на иных языковых уровнях. Однако этот вариант подразумевал бы самостоятельную инициативу и некоторое соавторство интерпретатора, что совершенно неприемлемо для стремящегося к «фотографическому портрету» Рольстона, и это обстоятельство иногда выводит басню в совершенно полярную стилистику. Например, в переводе басни «Крестьянин в беде» («The Peasant in Trouble») разговорному обращению «свет» поставлена в соответствие английская калька «*my light*», звучащая диссонансом в разговоре двух крестьян: это обращение не используется в английском языке самостоятельно, тем более в сниженном регистре, входя в состав книжного выражения «*light of somebody's eyes*» – свет очей.

¹ Далее по тексту номера страниц оригинала и перевода даны в круглых скобках.

Таким образом, Рольстону не удалось передать в своих буквалистических переводах просторечности языка басен; однако там, где перевод требует внедрения архаистично-поэтических элементов, он чувствует себя гораздо увереннее. Употребление специфической лексики в основном оправдано особенностями оригинала и имеет целью создать поэтическую приподнятость там, где, по мнению переводчика, этого позволяет оригинальный текст. Так, оттенок архаизма несет речь Ручья в одноименной басне («The Brook»), где в оригинале Крылов достигает приподнятости «кудрявого склада» тирады героя употреблением метафорической апострофы «река несытая», использованием архаичных прилагательных «сем», «кои», а также слов «жертвы», «поглотила». Рольстон поддерживает этот негодующе-возвышенный тон не только употреблением смежных архаичных форм (*thou, thou, hast*), но и подбором семантически емких аналогов русским лексемам: лексеме «дно» противопоставлено английское поэтическое «*depths*» (дно, глубины), ниже по тексту «тинистое дно» превращается в «самые секретные тайники» (*most secret recesses*), самостоятельную и в целом не характерную для буквалистской переводческой манеры Рольстона поэтическую метафору: Река несытая! что, если б дно твоё / Так было, как мое / Для всех и ясно, и открыто, / И всякий видел бы на тинистом сем дне / Все жертвы, кои ты столь алчно поглотила? (с. 135) / *Insatiable river! how would it be if thy depths, like mine, were clearly visible to all eyes, and every one could see, in thy most secret recesses, all the victims which thou hast so greedily swallowed up?* (p. 7)

С синтаксической точки зрения версии Рольстона легко читаемы и не обременены громоздкими конструкциями. Переводчик старается соблюсти длину, строй и наполнение оригинальных предложений, не выпадая из норм английской лингвистики. Эта выверенность и добротность синтаксиса являются огромным достоинством басен Рольстона на фоне актуальных для этого периода непрофессиональных русско-английских переводов, загроможденных грамматическими интерференциями. И если иногда перенесение своеобразного синтаксиса Крылова в английский прозаический текст несколько затрудняет его восприятие, то последний тем не менее всегда остается грамматически корректным. В качестве примера приведем отрывок из басни «Тень и Человек» («The Man and His Shadow»), где не совсем обычной в плане построения русской фразе в точности соответствует строй ее английской версии: Красавицы! Слыхал я много раз: Вы думаете что? Нет, право, не про вас, А что бывает то ж с фортунною у нас (с. 135) / *Ladies fair, I have often observed – what do you suppose? – no,*

no; I assure you I am not going to speak about you – that Fortune treats us in a similar way (pp. 59–60).

Однако в ситуациях, требующих воспроизведения разговорности, Рольстон не справляется с задачей синтаксиса Крылова (как и в случае с воспроизведением просторечной лексики). Так, в басне «Крестьянин и работник» эмоциональная неадекватность передачи речи Крестьянина, выплескивающего раздражение на Работнике, как и растерянность последнего вызвана не только использованием семантически неравноценного вокабуляра, но и заменой выразительного, эллиптического разговорного синтаксиса неуместным в данном контексте многословием распространенного предложения: Опешил бедный мой Степан. «Помилуй», – говорит, – «за что?» / – «За что, болван! Чему обрадовался сдуру?! Знай колет: всю испортил шкуру!» (с. 88). Our poor Stefan is astounded. «Pardon me, what have I done?» «What you have done, you block-head? I'd like to know what are you so absurdly pleasant about; why, you've gone and stuck the bear in such a manner that you've utterly ruined the fur!» (p. 50). Таким образом, на синтаксическом уровне вновь сказывается проблематичность воспроизведения Рольстоном просторечного компонента басен Крылова. Однако учитывая преобладание в английских версиях нейтральной сглаженно-литературной лексики, именно использование одноименного синтаксиса не нарушает целостного восприятия произведений.

Безусловную привлекательность переводам Рольстона придает страноведческий компонент, проявляющийся в обилии примечаний, сносок, сопровождающих русские экзотизмы, а также коротких справок об истории создания той или иной басни и потенциальных мишенях ее сатиры. Для передачи реалий Рольстон прибегает к двум стратегиям: транскрибирует их в тексте и снабжает подтекстовой сноской (*Duga is the wooden arch in a Russian cart; *Klet is a sort of a store-room) или заменяет реалии ближайшим английским аналогом, в то время как подтекстовая сноска предоставляет транскрипцию экзотизма и его объяснение («brandy-tax farmers (откупщики. – Н. К.) в этой басне – это люди, владеющие откупом на спиртное, снабжающие крестьян самым отвратительным напитком (the worst of liquors) и получающие огромные прибыли. Вся система откупа в России в настоящее время изменена и откупщиков более не существует» («The Wag», p. 152). Короткую басню «Свинья» Рольстон, осознавая неточность перевода авторского «бисер да жемчуг» при помощи аналога *pearls and diamonds*, снабжает обширным примечанием, информирующем о разнице между понятиями *biser* и *jetchug* и о том, что герой басни был не совсем прав, употребляя слово *biser* – «разноцвет-

ные стеклянные бусинки» – для метафорического обозначения богатства (p. 112).

При переводе имен собственных Рольстон единообразно придерживается транскрибирования (Mishka, Vaska the Cat, Kavgonia, Polkan, Joujou). Интересно, что морфологическая трансформация русских имен зеркально отражается в английской версии: как только Барбос называет свою подружку *Жужуткой*, так это изменение тут же фиксируется в английском варианте: What sort of a life do you live now, Joujoutka (p. 157). Естественно, эта точность имеет лишь относительную ценность, свидетельствуя об аккуратности переводчика, поскольку субъективно-эмоциональная стилистическая окраска русского диминутивного суффикса вряд ли могла быть оценена английскими читателями. Стремление Рольстона информировать читателя обо всех аспектах оригинала нередко выливается в появлении комментариев к именам собственным: так, сноской Kutusoff снабжено имя Prince of Smolensk в басне «Ворона и Курица» и указано, за какие именно заслуги полководец получил прозвище Смоленский князь. Только в редких случаях такие пояснения ошибочны или забавны: так, русская шавка из басни «Слон и Моська» «повышается» до уровня длинношерстной собаки (*Shaffka* – name given to a long-haired dog, p. 123), а в пояснении к слову *dummy* переводчик совмещает два значения полисемантического слова «болван» в одно определение, в результате чего выясняется, что «*bolvan* – это термин, которым русское простонародье непочтительно называет надворные деревянные статуи» («The Oracle», p. 132). Однако в целом анализ воспроизведения реалий приводит к мысли о продуманности перенесения в английский текст безусловно притягательной для читателя бытовой, исторической и культурной фоновой информации.

Со времени первого издания переводов Рольстона прошло более полутора веков, и с точки зрения современного критика его басни обладают многими недостатками буквального перевода. В современной терминологии буквализм является «переводческой ошибкой», «неправильно понимаемой точностью», «рабским копированием иноязычных особенностей, ведущим к искажению смысла» [1, с. 27]. Действительно, воспроизведенные на английском языке басни бесстрастно передают лишь основное содержание оригинала, лишённого характерных для идиостиля И. А. Крылова живости, образности, простоты и юмора. Однако с исторической точки зрения переводы Рольстона представляют собой своеобразный антидот широко распространенным во второй половине XIX в. вольным интерпретациям с русского языка и являются результатом кропотливой, добросовестной и дли-

тельной работы. Согласно современным исследованиям, весь опыт англоязычной традиции перевода в целом соответствует тенденции «доместикации» (*domestication* – термин Л. Венути [8]), когда результирующий текст воспринимается созданным в условиях принимающей культуры произведением, написанным соотечественником и современником читателя [9, с. 5]. Традиция привнесения обширных авторских модуляций в переводной текст была особенно устойчива в отношении басен, традиционно рассматриваемых в качестве склонных

к трансформациям функциональных текстов [10]; однако вопреки распространенной тенденции Рольстон постарался ни в чем не обнаружить себя в английских переводах. И если его более поздних соотечественников обаяние таланта Крылова заставило искать красочных эпитетов и нетривиальных форм выражения для полной компенсации существа поэтики русского баснописца, Рольстон попытался сделать это на свой манер, ни в чем не изменив букве самобытного русского оригинала.

Список литературы

1. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. Москва: Наука, 2009. 318 с.
2. May R. *The Translator in the Text: on Reading Russian Literature in English*. Evanston: Northwestern University Press, 1994. XII + 209 p.
3. Muchnic H. *Russian Poetry and Methods of Translation* // *Russian Review*. Vol. 29. No. 4 (Oct., 1970). P. 403–410.
4. Cross A. G. *The English and Krylov* // *Oxford Slavonic Papers. New Series*. Vol. 16. 1983. P. 91–140.
5. Алексеев М. П. Вильям Рольстон – пропагандист русской литературы и фольклора. СПб.: Наука, 1994. 328 с.
6. *Krilof and his Fables*. By W.R.S. Ralston, M. A. of the British Museum. London, 1869. IX + 180 p.
7. Крылов И. А. Сочинения в двух томах. Том 1. Москва: Библиотека «Огонек», 1969. 245 с.
8. Venuti L. *Translator's Invisibility: A History of Translation*. New York: Routledge, 1995. 353 p.
9. Нестеренко О. В. Феномен «насилъственного перевода» (на материале англоязычных переводов поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души») // Текст. Книга. Книгоиздание. Вып. 2. Томск, 2012. С. 5–11.
10. Крицкая Н. В. Феномен английской басни в жанровом и функциональном аспектах // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). Вып. 8 (98). Томск, 2010. С. 70–72.

Крицкая Надежда Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет, (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061), Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050). E-mail: nadia66@mail.ru

Материал поступил в редакцию 14.03.2017.

DOI 10.23951/1609-624X-2017-6-112-116

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN-ENGLISH LITERAL TRANSLATION (PECULIARITIES OF INTERPRETATION OF I. A. KRYLOV'S FABLES BY W. R. S. RALSTON)

N. V. Kritskaya

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation
Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

Key peculiarities of literal prose translations of I. A. Krylov's fables by well-known English slavist and interpreter W. R. S. Ralston are discussed in the article. The book *Krilof and his Fables*, first issued in 1869, enjoyed a great success and added a considerable contribution to propaganda of Russian culture in England. Lexical, syntactical, and stylistic features of the English texts, as well as difficult for translation cases of rendering of realities and proper names are studied. An attempt to explain the author's choice of literal (exact) translation against the background of free Russian-English interpretations of the time is provided from the historical point of view. The article shows, that literal prose translation of Russian verse, however condemned as imperfect by modern translatology, was a successful and necessary step in its time, aimed at introducing a famous Russian writer to English readers. Ralston's attempt was even more significant considering the traditional attitude of British authors to regard the fable as literary genre not just prone to, but also welcoming free interpretational transformations. Objectively lacking idiom, imagery and humour of the original, prose versions of Ralston, nevertheless, retrieved at least the true idea of the original fables contents and provided the readers with reliable image of Russian life and folklore.

Key words: *literal prose translation, W. R. S. Ralston, stylistics of the text, fables, I. A. Krylov.*

References

1. Nelubin N. N. *Tolkoviy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory dictionary of translatology]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 318 p. (in Russian).
2. May R. *The Translator in the Text: on Reading Russian Literature in English*. Evanston, 1994. XII + 209 p.
3. Muchnic H. *Russian Poetry and Methods of Translation*. Russian Review, 1970, vol. 29, no. 4, pp. 403–410.
4. Cross A. G. *The English and Krylov*. Oxford Slavonic Papers. New Series, 1983, vol. 16, pp. 91–140.
5. Alekseev M. P. *William Ralston – propagandist russkoy literatury i fol'klora* [W.R.S. Ralston as a propagandist of Russian literature and folklore]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 328 p. (in Russian).
6. *Krifol and his Fables*. By W. R. S. Ralston, M. A. of the British Museum. London, 1869. IX + 180 p.
7. Krylov I. A. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Literary works in two volumes]. Vol. 1. Moscow, Biblioteka "Ogonyok" Publ., 1969. 245 p. (in Russian).
8. Venuti L. *Translator's Invisibility: A History of Translation*. New York, 1995. 353 p.
9. Nesterenko O. V. Fenomen "nasil'stvennogo perevoda" (na materiale angloyazychnykh perevodov poemy N. V. Gogolya "Mertvye dushi") [Abusive translation in English-language versions of N. Gogol's Dead Souls]. *Tekst. Kniga. Knigozdaniye – Text. Book. Book Publishing*, 2012, vol. 2, pp. 5–11 (in Russian).
10. Kritskaya N. V. Fenomen angliyskoy basni v zhanrovom i funktsional'nom aspektakh [The phenomenon of English fable in genre and functional aspects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2010, no. 8 (98), pp. 70–72 (in Russian).

Kritskaya N. V., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061), Tomsk Polytechnic University (ul. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050). E-mail: nadia66@mail.ru